

Я слышал, что тематика конкурса – любовь к Родине. Но не буду лукавить – мои стихи не о Родине. Мои стихи о людях. Потому что Родина в людях. Не за поля и леса люди погибают в войнах, а за своих близких.

Мои стихи о любви к людям.

ПИСЬМО В ГЕРМАНИЮ

Lada Kitaeva in Karlsruhe

Одним случайным вспоминаем все растаяло.
Ну как дела у вас там, в Германии, фрау Китаева?

У нас тут холодно, как всегда. На асфальт окурками
Летят недели. И достаются из пачек новые.
Живем субботними поездами до Петербурга мы
И возвращаемся в понедельник, на все готовые.

Здесь наше время – на перемотке видеопленка.
Не ухватить его, не унять, не нажать на паузу.
Моя вчерашняя одноклассница ждет ребенка.
Мои ребята качают бицепсы, делят статусы.

Но приезжаешь сюда, и запах такой знакомый
Тебя подхватывает, как кругом морским спасательным.
И я не знаю, о чем могу еще написать тебе,
Как не о запахе твоего дорогого дома.

Пусть твои дети читают Гёте в оригинале.
Пусть не опаздывают на встречи по-немецки четко.
Но я прошу тебя, фрау Китаева,
Там, в Германии,
Каким-то вечером сядь и выпей за меня
Водки.

ГАЗЕТЫ ВСЛУХ

Бабушке

Она глядит на меня сквозь мутные,
запотевшие роговицы.
Ругает Путина: мол, сидит у себя в столице, да не пылится.
На ней рабочая куртка.
Старые рукавицы.
На стенах – лица Христа, чтоб было куда молиться.
Он хмуро смотрит ей прямо в лоб,
а она стыдится
того, что семьдесят лет стояла лицом к границе
российско-финской,
спиной – к Казанскому в Петербурге.

Она познала все злые сроки,
все злые муки.
И мои строки ей – корвалол
от тревоги.

Внуки.

Мы пожимаем друг другу руки,
когда садимся за общий стол.

А вечерами – тепло и сыто, и много света.
Горят все лампочки, кошки спят друг на друге,
ну...

Она смеется и хочет лета.
А я читаю ей вслух газеты
и пропускаю,
где про войну.

ЕСЛИ БУДЕТ ВОЙНА

Как взлетали со дна
в небеса-вышину.
За свободу.
Не плачьте, мама.

Если будет война,
мы уйдем на войну.
По-другому никак
нельзя нам.

По-другому никак.
Наш единственный ход –
это марш раскаленным строем.

Протяните мне флаг.
Я – один из трехсот.
На листах мировой истории.

Протяните же меч.
Пусть хранит наших жен
и детей светлый Бог.
А впрочем,

если вражеский скрежет
затмит горизонт,
значит, будем сражаться
ночью.

Значит, будет наш бой –
как небес вышина.
Только что нам она
прикажет?

Мы вернемся домой,
если будет война.

Со щитом или на –
не важно.

ПОДУМАЙТЕ

Подумайте о пилотах и докторрах.
У них на таких, как вы,
абсолютный слух.
У них за таких, как вы,
абсолютный страх,
запаянный в недрожимости глаз и рук.

В салонах самолетов, что терпят крах,
где смерти обхватит талию хулахуп,
подвешенные за горло, в ремнях-жгутах
летят они. Каждый – верящий в чудо труп.

Летят они.
Каждый – самый святой монах.
Ну же, Господи, пощади,
меня дома ждут.
Ну же, Господи, пощади,
мне нельзя вот так!
Я же,
Господи,
птичка киви,
бескрылый шут...

Так в палатах реанимации – полумрак.
Среди ночи кинжальным приступом сдавит грудь.
Ну же, Господи, пощади,
у меня жена.
Ей же,
Господи,
нужно рядом чтоб кто-нибудь!

Так подумайте о пилотах и докторрах.
Их же
тоже ведь
дома,
может быть,
кто-то
ждет.

Из больницы выходит дед с костылем в руках.
В Домодедово приземляется самолет.

HAPPY END

В нашей повести все закончится хорошо,
да.

По прогнозам идет глобальное
потепление.

Если можно,
я бы заснул с тобой в воскресенье.
И проснулся
в субботу.

Город ночью так изумруден.
Так превосходен.
Раскинуть руки, упасть в проспект бы,
расцеловать бы.

Мосты-феерии,
нежно-кремовые усадьбы.
Глаза на каменно-львиных мордах.
По небу-темени красным стелятся
самолеты.
Земле приветы.

Сегодня ночью неважно с кем ты,
неважно кто ты.

Важнее – где ты.

Мы Петербургом и теплым августом разодеты.
В прозрачных куртках –
слегка студенты,
слегка поэты,
слегка сбежавшие полудурки.

Ты смотришь так, что меж пальцев плавится сигарета,
в короткий миг становясь окурком.
Мы потеряемся в девятнадцатом веке где-то,
а в двадцать первый вернемся пьяными и под утро.

Я так люблю тебя.

Обнимать бы
до нервных судорог по предплечьям!
Нам не грозят в лимузинах

свадьбы –
удел напудренных глупых женщин,
чей лоб в морщины испоперечен,
а взгляд изранен.

Господь, скажи нам стоять тут вечно.
Скажи смотреть в этот блеск и камень.
Скажи вдвоем бесконечно течь нам
там, между невскими берегами.

И каждым вечером, обнимаясь, кружиться в танце.

Едва касаться.
Воды.
Ногами.

АБРАУ ДЮРСО

Кто в Черном море
исчез безлик,
тот тихо стучал к нам в дверь.

Нас было здесь трое,
и все – короли
морских голубых кровей.

Был старший брат
водопадно красив.
Был средний игристо пьян.

Последний был страшно влюбленный в них.
Последним из них
был я.

Мог первый вонзаться
в морское дно,
нырять в колыбель стихий.

Второй создавал из воды
вино.

А я
создаю
стихи.

Одни во Вселенной.
Из ранок – соль
виноградом и черным хлебом.

Мы стоим по колено
в Абрау Дюрсо.

Водопады
уходят
в небо.

ЛЕГИОНЫ

Не провожай меня.
Оборвемся
на полуслове.

Я не готов.

Моим безжалостным легионам
лишь только стоит
почуять кровь.

Тебе ж
стоять со мной на перроне!
Тебе же
жрать меня от зрачков!

Под черным небом чужой и сонный ночной Ростов.

Не провожай меня.
Не смотри так!

Я полководец несметных стай.

Из тебя голос по слезке вытек:
«Пообещай мне,
пообещай...»

Тебе же
раненых пересчитывать!
Полуживого-то
не найти...

Моим безжалостным легионам пора идти.

Не провожай меня.
И прости.